

Нормандец / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Нормандец / новелла НОРМАНДЕЦ

Полю Алексис.

Мы выехали из Руана и покатали рысью по Жюмьежской дороге. Легкая коляска неслась по лугам; затем лошадь пошла шагом, взбираясь на холм Кантелё.

Отсюда открывается один из великолепнейших видов в мире. Позади нас – Руан, город церквей с готическими колоколенками, похожими на точеные безделушки из слоновой кости; впереди – Сен-Севэр, фабричное предместье, которое возносит к небу сотни дымящих труб, как раз напротив сотен колоколенок старого города.

Здесь – шпиль собора, одного из высочайших памятников человечества; там – его соперница, паровая водокачка «Молния», столь же высокая и на один метр выше самой огромной из египетских пирамид.

Перед нами развевалась покрытая рябью Сена, усеянная островками, окаймленная справа белыми скалами, заросшими на вершине лесом, а слева – необозримыми полями, замыкавшимися вдали, на горизонте, другим лесом.

Кое-где вдоль высокого берега широкой реки стояли на якоре большие суда. Три огромных парохода шли гуськом по направлению к Гавру; целая группа судов, состоящая из трехмачтовика, двух шхун и брига, поднималась к Руану, следуя на буксире за маленьким пароходом, изрыгавшим облака черного дыма.

Мой спутник, местный уроженец, почти не смотрел на этот захватывающий пейзаж, а только все улыбался, словно смеясь своим мыслям. Вдруг он промолвил:

– Ах, вы сейчас увидите кое-что забавное – часовню дядюшки Матье. Вот, друг мой, диковинка!..

Я взглянул на него с удивлением. Он продолжал:

– На вас пахнет таким нормандским букетом, что вы долго его не

забудете. Дядюшка Матье – самый типичный нормандцу во всем этом крае, а его часовня – одно из чудес света, ни более, ни менее; но сначала я должен дать вам некоторые пояснения.

Дядюшка Матье, которого прозвали также «Дядей Выпивалой», – это унтер-офицер в отставке, вернувшийся на родину. Он изумительно соединяет в себе балагурство старого солдата с мелочной хитростью нормандца. Приехав в родные места, он благодаря многочисленным связям и невероятной ловкости сумел получить место сторожа при чудотворной часовне, при часовне, покровительствуемой святой девой и посещаемой преимущественно беременными девушками. Он окрестил чудотворную статую в часовне «богоматерью брюхатых» и говорит о ней с несколько насмешливой фамильярностью, отнюдь не исключающей уважения. Он сам сочинил и напечатал особую молитву к пресвятой деве. Эта молитва – шедевр бессознательной иронии и нормандского остроумия, в которой насмешка соединяется со страхом перед святостью, с суеверной боязнью тайных сил. Он не слишком верит в свою покровительницу, однако же из осторожности немного верит и из расчета бережет.

Вот начало этой поразительной молитвы: «Добрая владычица наша, дева Мария, покровительница девушек-матерей нашей страны и всей земли, спаси свою рабу, согрешившую по оплошности».

Молитва кончается так:

«Не оставь меня своим заступничеством перед святым своим супругом и моли господа отца нашего, чтобы он даровал мне доброго мужа, подобного твоему».

Эта молитва, запрещенная местным духовенством, продается дядюшкой Матье из-под полы, и считается, что она помогает тем, кто благоговейно читает ее.

Вообще он говорит о пресвятой деве, как камердинер грозного государя о своем господине, который доверяет ему все свои маленькие интимные тайны. Он знает о нем множество занимательных историй и шепотом рассказывает их приятелям после выпивки.

Впрочем, вы увидите сами.

Доходы со святой девы казались ему далеко не достаточными, – он прибавил к главной своей заступнице еще и святых. Они у него имеются все или почти все. Ввиду того, что в часовне тесно, он поместил их в сарайчике, откуда выносит их, как только потребует верующий. Он сам вырезал эти невероятно смешные деревянные фигурки и выкрасил их ярко-зеленой краской в тот год, когда красили его дом. Вы знаете, что святые вообще исцеляют от болезней, но у каждого из них есть своя особая специальность; здесь никак нельзя ошибиться или смешать их друг с другом. Они завистливы и ревнивы, как плохие актеры.

Чтобы не оплошать, старушки советуются с дядюшкой Матье:

– От ушных болезней какой святой получше?

– Тут хорош святой Озим; недурен также и святой Памфил.

Но это еще не все.

У дядюшки Матье много свободного времени, поэтому он пьет, но пьет художественно, убежденно и так обстоятельно, что пьян каждый вечер. Он пьян, но сознает это, и сознает настолько ясно, что ежедневно точно отмечает степень опьянения. В этом и состоит его главное занятие; часовня занимает второстепенное место.

Он изобрел – слушайте хорошенько и обратите на это внимание, – он изобрел пьяномер.

Самого измерительного прибора не существует, но наблюдения дядюшки Матье так же точны, как наблюдения математика.

От него то и дело слышишь:

– С понедельника я ни разу не перешел за сорок пять градусов.

Или:

– Я был между пятьюдесятью двумя и пятьюдесятью восемью.

Или:

– Я, несомненно, дошел до шестьдесят шестого или даже до семидесятого.

Или:

– По глупости я считал себя в пятидесяти, как вдруг замечаю, что я в семидесяти пяти!

И он никогда не ошибается.

Он утверждает что никогда не достигал полных ста градусов, но так как он сам признает, что наблюдения утрачивают точность

при переходе за девяносто, его утверждениям и нельзя верить безусловно.

Когда дядюшка Матье говорит, что перешел за девяносто, будьте уверены, что он был вдребезги пьян.

В этих случаях жена его, Мели, – тоже своего рода редкость – приходит в безумную ярость. Она ожидает его возвращения у двери и встречает ревом:

– Наконец-то явился, негодяй, свинья, пьяница!

Тогда дядюшка Матье, уже не смеясь, вооружается против нее и говорит строго:

– Помолчи, Мели, теперь не время разговаривать. Подожди до завтра.

Если же она продолжает кричать, он подходит к ней, и голос его дрожит:

– Не ори, я в девяностом и уж больше не меряю; берегись, вздую!

Тогда Мели бьет отбой.

Если на следующий день ей вздумается вернуться к этому вопросу, он смеется ей в лицо и отвечает:

– Ну, ну, будет! Довольно поговорила, дело прошлое. Пока я не дохожу до ста градусов, не беда. Вот если перевалю за сто, бей меня, позволяю, честное слово!

Мы достигли вершины холма. Дорога углублялась в дивный Румарский лес.

Очень, чудная осень смешала свой пурпур и золото с последней зеленью, хранившей еще свою свежесть; словно капли расплавленного солнца излились с неба на лесную чащу.

Мы проехали Дюклер, и тут, вместо того чтобы продолжать путь на Жюмьеж, мой приятель свернул влево, на поперечную дорогу; мы въехали в лесок.

Вскоре с вершины высокого холма перед нами снова открылась великолепная долина Сены и извилистая река, вытянувшаяся внизу у наших ног.

Направо, прислонясь, к хорошенькому домику с зелеными ставнями, увитому розами и жимолостью, стояло крохотное здание под шиферной крышей, увенчанное колоколенкой вышиной с зонтик.

Чей-то низкий голос воскликнул: «Вот и дорогие гости!» – и дядюшка Матье появился на пороге. То был человек лет шестидесяти, худой, с седой бородкой и длинными седыми усами. Мой товарищ пожал ему руку, представил меня, и Матье ввел нас в прохладную кухню, служившую ему также столовой.

– У меня, сударь, нет богатых хором, – говорил он. – Я не люблю сидеть далеко от кушанья. Кастрюли, знаете ли, отличная компания.

И он обратился к моему другу:

– Почему вы приехали в четверг? Вы ведь знаете, что в этот день приходят за советом к моей заступнице. В этот день я не могу выходить после обеда.

И, подбежав к двери, он испустил такой ужасающий рев: «Мели-и, Ме-ли-и-и!» – что, вероятно, обернулись даже матросы на судах, плывших вверх и вниз по далекой реке, там внизу, в глубине долины.

Мели не отвечала.

Тогда Матье лукаво подмигнул:

– Она недовольна мною, видите ли, потому что вчера я был в девяноста градусах.

Мой спутник расхохотался:

– В девяноста, Матье? Как это вы ухитрились?

Матье отвечал:

– Сейчас расскажу. В прошлом году я собрал всего двадцать мер абрикосов. Это немного, но для сидра вполне достаточно. Так вот я и сделал из них сидр и вчера слил его в бочку. Это нектар, прямо-таки нектар: сами убедитесь. У меня был в гостях Полит. Мы прошлись с ним по стаканчику, затем по другому, но жажда не унималась (ведь его и пить-то можно до следующего дня), да так, что чем дальше, тем я все больше чувствую холод в желудке. Говорю Политу: «А не выпить ли нам по стаканчику водки, чтобы согреться?» Он соглашается. Но от водки вас бросает в жар, так что пришлось вернуться к сидру. И вот, переходя от холода к жару, от жара к холоду, я вдруг замечаю, что достиг девяноста. Полит добрался уже почти до сотни.

Дверь отворилась. Показалась Мели и тотчас же, еще не поздоровавшись с нами, закричала:

– Ах, вы, свиньи, в оба были в ста градусах!

Тут Матье рассердился:

– Не говори вздора, Мели, не говори вздора, я никогда не бывал в ста градусах!

Нам подали вкусный завтрак у крыльца, в тени двух лип, близ самой часовни «богоматери брюхатых». Перед нами расстилался необъятный простор. Дядюшка Матье с неожиданной верой, сквозившей в его шутках, рассказывал нам про невероятные чудеса.

Мы выпили огромное количество восхитительного сидра, острого и сладкого, свежего и пьянящего, который дядюшка Матье предпочитал всем напиткам; сидя верхом на стульях, мы закурили трубки, как вдруг к нам подошли две женщины.

Они были старые, высохшие, сгорбленные. Поклонившись, они попросили дать им святого Бланка. Матье подмигнул нам и ответил:

– Сейчас вам его принесу.

И исчез в сарайчике.

Он пробыл там добрых пять минут, затем вернулся с перекосившимся лицом. Разводя руками, он проговорил:

– Не знаю, куда он девался, не могу его найти, а между тем уверен, что он у меня есть.

И, сложив руки в виде рупора, он заревел снова:

– Мели-и-и!

Из глубины двора жена отвечала:

– Чего тебе?

– Где святой Бланк? Я не нахожу его в сарае!

Тогда Мели дала следующее объяснение:

– Не им ли ты на прошлой неделе заткнул дыру в крольчатнике?

Матье вздрогнул:

– Провалиться мне! Так оно, вероятно, и есть!

И обратился к старушкам:

– Идите за мной.

Они двинулись в путь. Мы последовали за ними, давась от еле сдерживаемого смеха.

В самом деле, святой Бланк, воткнутый в землю в виде колышка, замаранный грязью и нечистотами, подпирал собою кроличий

домик.

Едва завидя его, старушки упали на колени, перекрестились и начали бормотать *Oremus* [1]. Но Матье бросился к ним:

– Погодите, вы стоите в навозе, я принесу вам охапку соломы.

Он принес солому и расстелил ее так, чтобы они могли стоять на коленях. Затем, взглянув на своего грязного святого и обеспокоившись, как бы это не подорвало его коммерцию, прибавил:

– Я вам его немножко помою.

Он принес ведро воды, щетку и с ожесточением начал мыть и теперь деревянного человечка, а тем временем старушки продолжали молиться.

Закончив мытье, он прибавил:

– Теперь чисто.

И увел нас выпить еще по стаканчику.

Поднося ко рту стакан, он остановился и в некотором смущении проговорил:

– Что поделаешь! Я снес святого Бланка к кроликам, думая, что от него уж не будет дохода. Два года не было на него спроса. Но на святых, как видите, мода никогда не проходит!

Он выпил и сказал:

– Ну, пройдемтесь еще по одному. С приятелями надо подходить, по крайней мере, до пятидесяти градусов, а мы еще только в тридцати восьми.

[1] Помолитесь – католическая молитва (лат.)

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 10 октября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Поль Алексис (1847 – 1901) – французский писатель, романист и драматург натуралистической школы, один из преданнейших друзей Золя. Оставил рассказ (как впоследствии и Энник) об истории создания сборника «Вечера в Медане».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП

«Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаўаlar